

Памяти Анатолия Генриховича Наймана (1936-2022)

Анатолий Найман умер от кровоизлияния в мозг. Удар случился на первых фразах его речи, открывавшей конференцию об Ахматовой и Мандельштаме «Страх и Муза». Накануне мы по телефону обсуждали предстоявший не-доклад, как он выразился. Он думал говорить о непривязанности обоих поэтов к своему времени, о том, что Ахматова расширяла свое бытие в мире в одну сторону – до Сафо, в другую – до Лилит. Если бы доклад-не-доклад состоялся, я б спросил Толю, как, по его мнению: извлекала ли Ахматова из соприродных им времен реальных и виртуальных собеседников, как в шестистишии –

Чтоб посланец давнего века
Из заветного сна Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

Я б при этом отталкивался от его «Автопортрета» 1974 года:

Еще пергамент щек,
и в синих тенях веко,
и сладкий запах
в сухих ноздрях Эль Греко.

Начиная с нашего первого разговора в августе 1970 года (меня ввел к нему Миша Мейлах, тараном преодолев брезгливое нежелание Толи давать аудиенцию «ахматоведам», – тогда это слово существовало только в язвительных кавычках), я время от времени задавал вопросы о реалиях, стоявших за «Полночными стихами» и другими поздними набросками, ожидаемо наталкиваясь на реприманды. Вообще постоянно разыгрывалась им тема «вечной неравной борьбы между критикой и творчеством» – это цитата из Германа Гессе («Под колесами»), длинную выписку из которого о богословии-искусстве и богословии-науке («или, во всяком случае, такое, которое хочет быть наукой») он прислал мне на открытке летом 1975 года.

На мои расспросы о возможных отсылках к образу Гумилева в «Полночных стихах» он отвечал в январе 1972 года:

«Я думаю, если как следует приступить к “На руке его много блестящих колец”, живо можно надыбать Сумарокова или Гвидо Кавальканти. Зеркала, конечно, одни и те же. И всё, что Вы говорите о “вспоминании” Гумилева, кажется мне убедительным хотя бы потому, что в 63-65 годах Гумилев был наиболее часто мелькающей фигурой и в беседах, и – в том или ином виде – в дневниковых записях. И может быть “Пусть я не сон, не отрада” – ответ на мадригал. Всё – так. Я просто предпочитаю первый план остальным. Это касается не только того, что адресат “Полночных стихов” был оповещен о том, что он – адресат, числа этак 12 марта 63 года, но и того, что известные мне

подтверждения “моей” реальности кажутся мне более существенными, чем Ваши предположения. Никак не отрицают их, но кажутся более существенными.

1-й вариант стиха “Пускай я не сон” не был полемичным (думаю, что можно даже найти его, он продержался сравнительно долго – недели? – и, вероятно, был кому-то подарен). Стихотворение А. Н. “За рошу тени отнесло” (весна 63) кончается таким “катреном” (shame on you за “катрен”, Рома Тименчик!):

Как все это зовется? Сон?
Воспоминанье? Утешенье?
Блаженство? Иль со всех сторон
Простое ветра дуновенье?

Не она ли велела мне взять эпиграфом к нему “Как майской ночи дуновенье”? Я этого тогда, кажется, еще не умел.

“Твоя мечта – исчезновенье” – это скорее не 7 фрагментов из незавершенной поэмы А. Н. “Исчезновение” (весна-лето 63), а его же “Сентябрьская поэма” (осень 62), в каждой из 6 глав которой герой “исчезает” и пессимистическая идея которой внушала ей беспокойство за автора.

И так далее.

Обращаю Ваше внимание еще на Present Continuous “бормочет” в “И последнее”.

Вот в какое неловкое положение, мой молодой друг, поставила меня Ваша бестактность».

Про эпиграфы он говорил с Ахматовой еще раз и вспоминал в «Рассказах о Анне Ахматовой»:

«Ее острый слух (“собачий”, “как у борзой” — если использовать ее замечания о других) вылавливал в обыденной беседе, в радиопередаче, в прочитанном ей стихотворении несколько слов, которые, произнесенные ею, выделенные, обособленные, обретали новый смысл, вид, вес. “Я сюда проберусь еще тенью”, — выхватила она одну мою строчку. — Годится на эпиграф. И ударение неправильное — хорошая строчка».

Строчка была выхвачена в мае 1965 гола из «Стихов о вечной юности», написанных после посещения Иосифа Бродского в ссылке: «привыкаю к сознанию, что впредь я сюда проберусь еще тенью, не умеющей делать вреда...». Стих «Как майской ночи дуновенье», финал стихотворения А. К. Толстого «Не ветер, вея с высоты...», врученный Ахматовой, мне кажется, он вспоминал в позднем стихотворении про вид с точки у Семионовского моста, в которой он тенью теперь застрял надолго:

Синий, холодный, резкий над водой мускулистой
ветер, окончен розыск! Трепетную вакханку
ты потерял навеки, угомонись, не рыскай
здесь, где цирк Чинизелли торсом теснит Фонтанку.

Нет больше грешной, ветер, нет бежавшей за угол
в шали скользкого шелка, в шляпе черного фетра,
ни в стороне от сверстниц, ни одной, ни с подругой -
в жгучих твоих объятьях, в майских объятьях ветра.

Нет покаянной, горькой, нет прихожанки верной
Симеона-и-Анны, кротко, покорно, гордо
сжавшей и растянувшей, как трехпролетной фермой,
мост между Нет и Было воплем мук и восторга.

Нет больше хрупкой ветки, нет больше гибкой змейки,
раковины, поющей чем звучней, тем спокойней,-
есть этот мост в сиянье майски слепящей смерти
между площадью людной и пустой колокольней.

Плакать не надо, ветер, время ее минуло...

Поминать его хочется именно что строками стихов, а не запыленными лексемами некрологов.

Свои расспросы с большими или меньшими перерывами я продолжал полвека. Последний раз мы говорили на эту тему в то же 16-е января. Я послал ему выписку постраничную упоминаний Наймана А. Г., Толи и Т с точкой по указателю. Положили заняться разглядыванием их после конференции. Толя бегло просмотрел и написал:

От: Anatoly Naiman <agnaiman@gmail.com>

Дата: Вс, 16 янв. 2022 г. в 18:47

А Вы мне не можете сказать, с чего я с 60-х считаю, что «Ты верно чей-то муж» мне? Помимо «сотых интонаций».

Как если б я был начинающий студиозус интертекстуальности, я ответил: «Ну, я всегда так думал и мне трудно перенастроиться, а сколько в сентябре прощальных хризантем – не к сентябрьской поэме?» (памятуя о его объяснении роли его «Сентябрьской поэмы»).

Он промолчал.

Rosa moretur

Ног. I, посл. ода

Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то,
В шкатулке без тебя еще довольно тем,
И просит целый день божественная флейта
Ей подарить слова, чтоб льнули к звукам тем.
И загляделась я не на тебя совсем,
Но сколько предо мной ночных аллея-то,
И сколько в сентябре прощальных хризантем.
Пусть все сказал Шекспир, милее мне Гораций,
Он сладость бытия таинственно постиг...
А ты поймал одну из сотых интонаций,
И все недолжное случилось в тот же миг.

В последний год Анатолию Генриховичу приходилось несколько раз обсуждать мутную, надо сказать, тему об авторстве ахматовских переводов. Теревить ее приходилось потому, что надо было принимать какие-то решения для обозначения статуса переводов в будущем собрании сочинений.

Как известно, Ахматова бескорыстно предоставляла свое имя друзьям, чтобы дать им возможность заработать. А. Г. участвовал не только в книжке Леопарди, но и в переводах из древнеегипетской поэзии. И в одно из последних электронных писем, откликаясь на посланный ему мой опус из таллиннского ежегодника *Slavica Revalensia*, посвященный продвижению идеи о тотальной, всеохватывающей летописи поэтовой жизни, он вставил:

«Я какое-то время назад хватился египетской книжки, начал рыскать и ну нет ее, и представления нет, где может быть, кому мог дать, кому понадобилась. И вчера вечером в один миг – как где? да вот в этом же ящичке! Открыл, не сверху, но в нем. И в продолжение целодневного чтения сунулся в нее и сразу наткнулся на минимум два места, отвечающие Вашим предложениям каталогизации ахматовских периферий.

Первое – Вам, вот в это вот мое письмецо.

Мудрые писцы

Времен преемников самих богов,

Предрекавшие будущее,

Их имена сохранятся навеки...

..... (и т. д. не хуже)

Второе, как Вы выражаетесь, инскрипт, он же воздушная завеса, не каталогизирующаяся.

Анатолию Найману, который так много помогал мне советами, когда я переводила эту книгу с благодарностью.

Анна Ахматова

*13 февраля 1966 г.
Москва (больница)».*

И я не могу сегодня, в 9-й день по его уходе, не думать его стихом «Я прощаюсь с этим временем навек», со временем его и его друзей вечной молодости, освещаемой сверху той, чье имя стало ходовым их прозвищем.

Роман Тименчик.